

*Александр
Тамоников*

**ПОСЫЛКА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА**

*Москва
2022*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете
А. Дурасова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Письма для генерала / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-161632-8

1943 год. Накануне операции под Курском советское командование готовит отвлекающий рейд по тылам противника. Задачу должен выполнить механизированный корпус генерала Максимова. Накануне операции наши разведчики перехватывают контейнер с немецкими документами, подготовленными на имя Максимова. Что это — умелая провокация, или генерал действительно, предатель? Разобраться в ситуации поручено группе СМЕРШ майора Ивана Бутова. Оперативники прибывают на место в тот момент, когда странным образом из окружения опального генерала исчезают несколько офицеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161632-8

ГЛАВА 1

Партизанский отряд «За Родину» потерял за две недели больше половины своих бойцов. Карательные операции фашистов следовали одна за другой. Две базы отряда в лесах на Орловщине были разгромлены. Партизаны спали на земле, голодали. Зайти в любое село означало подвергнуть его жителей смертельной опасности. Каратели убивали всех, сжигали дома при малейшем подозрении, что жители помогали партизанам. В леса фашисты бросили не только свои регулярные части, но и отряды украинских националистов. И зачастую те вели себя более жестоко, чем немцы. Волна зверских расправ прокатилась по партизанским районам.

Почти постоянно в небе, если позволяли погодные условия, висели немецкие самолеты-разведчики. Двигаться приходилось ночами. Вчера отряд выдержал многочасовой бой с карателями, уничтожив более роты автомат-

чиков, и вырвался из плотного кольца оккупантов.

Командир отряда Никифор Свиридов подгонял своих бойцов, подбадривал раненых. Потеряв руку во время боев еще в 1919 году, Свиридов в первый же день фашистского нападения на Советский Союз пришел в военкомат и попросил направить его хотя бы на инструкторскую работу. А когда враг подошел к Орловщине, Никифор начал собирать партизанский отряд, создавать в лесах военные базы. Сейчас, осунувшийся, небритый, он то шел впереди отряда, то пропускал мимо себя колонну, всматриваясь в лица смертельно уставших партизан. Главное — не терять силу духа, понимал командир.

Многие мужики были из этих мест, куда сейчас выходил отряд. Из этих сел. Многие тревожились за своих родных и близких.

Когда справа над лесом стал заметен черный смолистый дым, к Никифору подбежали двое молодых бойцов — два брата Симоненко.

— Никифор, — старший брат Степан схватил Свиридова за локоть, — там наше село Новоникольское горит!

— Нельзя, хлопцы, — покачал головой командир. — Сами же знаете, что нельзя нам! Остановитесь, Степан, Пантелей!

— А на кой черт мы вообще воюем? — заорал младший Симоненко и сорвал с плеча автомат. — Баб, детишек своих, матерей защищать собрались, а что получается?

— Вы в отряд вступили, значит, должны соблюдать приказы, — нахмурился Никифор, понимая, что накалилось у ребят внутри ненавистью до такой степени: спичку поднеси — и загорится.

— Внутри у меня приказ! — Степан рванул рубаху так, что полетели пуговицы. — И у Пантюхи тоже! За свой двор, за родных своих сражаться пошли, так что не гневи бога, командир! Не жить нам, если с ними что случилось. Незачем!

Отряд остановился, слушая горячий разговор братьев с командиром. Никто не вмешивался, никто не проронил ни слова, понимали, что творится у ребят в душе. Старик-отец, больная мать. У старшего брата там жена, у младшего — невеста. У многих в душе было так же черно, у многих сердце сейчас было переполнено болью. Бойцы садились на привал, снимали с плеч тяжелые ящики с боеприпасами. А Степан и Пантелей Симоненко уходили через лес в сторону горевшего села.

Трое бойцов из тех, кто пришел в отряд еще осенью 1941 года, собрались возле командира.

— Пропадут Симоненко, — угрюмо сказал один из ветеранов.

— Негоже так, Никифор. Сколько раз вместе смерти в глаза смотрели. Так и отпустим?

Командир посмотрел вслед братьям, которые уже скрылись за деревьями. Правы старые товарищи, ох, правы. Не все решается простой арифметикой, холодным приказом. Да только и о других думать должен командир, о тех, кто с ним рядом, с кем еще воевать и воевать. И Москва требует активных действий, Центральный штаб партизанского движения помогал и оружием, и снаряжением. А тут такое происходит. По всем лесам гитлеровцы взялись зверствовать. Ни с чем не считаются: ни с потерями, ни с трудностями. От Орла и Курска до Брянска и Смоленска идут жаркие партизанские бои с врагом.

Никифор приказал отряду отдыхать, выставить охранение, а сам с десятком партизан двинулся лесом к селу. Стрельбы не было слышно, и от этого все тягостнее становилось на душе.

На опушке партизаны остановились. Некогда утопавшее в зелени садов село почернело от гари и дыма. Много хат сгорело дотла, на их месте сейчас торчали черные печные

трубы, валялись обугленные бревна. Поникшие яблони с потемневшей листвой, изрытые гусеницами военной техники улицы, поваленные заборы и оторванные калитки. В переулке и на околице валялось несколько пристреленных собак. И — ни одной живой человеческой души, ни крика птицы, ни голоса домашнего животного.

Перебегая от дома к дому, от забора к забору, партизаны двинулись через село, поглядывая по сторонам, чутко прислушиваясь. Кругом гробовая тишина...

Братьев Симоненко нашли у одного из домов. Они стояли, опустив головы. По щекам молодых сильных парней катились слезы. Беззвучно. Ходили ходуном побелевшие желваки.

Никифор подошел ближе, от увиденного у него похолодело внутри. Это была обычная картофельная яма. Многие в селах так хранили заготовленный на зиму картофель. Сейчас в ней лежали изуродованные тела женщин и детей. Опытные бойцы сразу поняли, что тут происходило. Жители села прятались в этих ямах от карателей, но те находили их. Бросали в ямы гранаты и шли дальше.

Партизаны разошлись по селу. Каратели давно ушли, живых в селе никого не оста-

лось. В домах лежали тела, прошитые автоматными очередями, во дворах валялись убитые собаки. Два мертвых старика с вилами в руках. Видимо, в отчаянии хотели защитить свои дома, но были безжалостно застрелены.

— Никифор, следы от колес ведут в сторону Алексеевки, — раздался голос Степана Симоненко. Братья все еще стояли спокойные и мрачные. — Если напрямки через болото, можно поспеть. Мы вдвоем пойдем.

— Степа, — командир покачал головой, вглядываясь в почерневшие, безжизненные глаза парней и ужасаясь тому, что не видит в них ничего, кроме смерти. — Степа, Пантюша, негоже так. Жить надо, бить врага надо.

— Прощайте, хлопцы, — Степан повернулся и пошел через село к лесу. За ним, молча забросив автомат на плечо, двинулся Пантелей.

Свиридов долго смотрел вслед ребятам, потом обвел взглядом уничтоженное село и проговорил:

— За все, гады, ответить придется — за смерти женщин и детей, за сожженные дома, за порушенное счастье народа! За все. Придем мы к вам и тогда посчитаемся. Ох, тяжело же вам будет, ох, тяжело...

Братья Симоненко хорошо знали окрестности. Хорошо знали и болото, которое на картах было помечено как непроходимое. Мокрые по пояс, они выбрались на сухое и принялись стягивать сапоги, выливать из них воду, отжимать портянки. И вдруг услышали стрельбу — били из немецких «Шмайсеров». Не сговариваясь, оба быстро натянули обувь, схватили автоматы и побежали через чахлый лесок в сторону села.

У самой околицы уже слышны были крики, выли бабы, сухо били автоматные очереди, лай собак превращался в истошный скулеж. Потянуло гарью, в нескольких местах в небо взметнулись огненные языки.

Пантелей бросился к крайней хате, буквально у входа во двор столкнулся с дюжим немецким солдатом. Сильным ударом партизан отбросил в сторону направленный на него ствол «Шмайсера» и схватил немца за горло. Они упали на землю, борьба была недолгой. Симоненко с такой силой сжал горло врага, что шейные позвонки хрустнули, лицо фашиста покраснело, он задергался и вскоре затих. Поднявшись на негнущихся от напряжения ногах, партизан пошел к дереву, где на сучке висело окровавленное детское тельце, подвешенное за рубашонку. Обезумевшими

глазами Пантелей долго смотрел на мертвого младенца, потом снял его с дерева и осторожно положил на траву.

Попятился, ощупывая себя: гранаты в кармане, запасные магазины к автомату, нож на поясе в ножнах. Он вышел со двора и пошел по улице. Немцев было много. Они сновали из двора во двор, стреляли, тащили за рога коров, ловили свиней и кур.

И тогда партизан начал поливать свинцом. Хладнокровно, короткими очередями он расстреливал опешивших от неожиданности фашистов. Менял опустевшие магазины и снова стрелял.

Пуля попала ему в руку чуть выше локтя, Пантелей поморщился от жгучей боли и достал гранаты. Одна полетела во двор, где разметала несколько солдат, вторая — вдоль улицы. Третью гранату Пантелей бросить не успел. Пули прошли грудь, он повалился лицом в дорожную пыль. Пальцы разжались, и граната покатила по дороге.

Подбежавшие немецкие солдаты слишком поздно ее заметили. Даже мертвый, Пантелей Симоненко продолжал убивать врагов.

Степан прожил немного дольше брата. Расстреляв все патроны и разбросав гранаты, он взобрался в бронетранспортер, отпихнул

ногой убитого немца и развернул на врага пулемет. Степан уже расстрелял почти всю ленту, когда пуля угодила ему в лицо.

А вдоль улицы валялись сраженные им враги. Много врагов.

Машенька была удивительной девушкой. Митьков это понял сразу, едва только впервые столкнулся с ней в метро на эскалаторе. Он, как всегда, торопился, сбегал по ступеням вниз, когда девушка в ярком желтом берете вдруг выронила книжки прямо ему под ноги.

— Ой, простите, — галантно воскликнул Митьков и наклонился помочь.

Александр Блок, сказки Пушкина... Он с трепетом поднял книги и протянул девушке, взглянув в ее глаза цвета глубокой бездонной синевы. Даже налет легкого негодования в ответном взгляде не смутил молодого человека.

— Поэзия? В такое время? — улыбнулся Митьков.

— Для поэзии, для настоящей литературы всегда подходящее время, — строго заметила девушка, окинув взглядом высокого, стройного, симпатичного молодого человека. — Вы же не хотите сказать, что Блок или Пушкин неуместны в военное время?

Они встретились на следующий вечер и долго гуляли по Александровскому саду. Машенька оказалась учительницей и очень хорошо умела рассказывать. Митьков слушал ее голос, улыбался вдохновенным интонациям и украдкой любовался девичьим профилем. А потом был еще вечер вместе, и еще. И эта поездка на Воронцовские пруды. Май был просто удивительным, теплым и ярким. Казалось, что война далеко-далеко и что в столицу вернулась прежняя мирная жизнь. И только аэростаты и прожекторы в ночном небе, только очереди у хлебных магазинов и ночные патрули напоминали, что до мира еще далеко.

Они шли по темной улице, Митьков накинул пиджак на плечи Машеньки. А в переулке, где было совсем темно, девушка вдруг испуганно прижалась к своему спутнику. И это было так мило, доверчиво и непосредственно, что Митьков сразу расправил плечи, почувствовав себя защитником и опорой. Он остановился, прошептал что-то успокаивающее. А потом прижал девушку к кирпичной стене темной подворотни и стал целовать — нежно и осторожно, как будто боялся испугнуть ее чувства, как боялся испугнуть птенца, пушистого и еще не оперившегося.

— Ой, кто это?

Машенька оторвалась от горячих губ Митькова и, вцепившись в его рубашку, тревожно посмотрела куда-то в сторону.

— Ну что ты, глупая, — тихо засмеялся Митьков, прислушиваясь к голосам. — Не бойся!

Голоса были мужские, и интонации были знакомые. Блатной говорок, словечки «по фене». Где-то совсем рядом.

Митьков разглядел неподалеку отдушину подвала — небольшая труба с решеткой у разрушенной стены. То, что он услышал, заставило нахмуриться и сжаться в комок. Банда, явно немаленькая, намеревалась грабить какой-то магазин или склад. Бандиты ждали машину, на которой должны были ехать на место.

Сколько их там? Митьков отстранился от девушки и стал прислушиваться. Машенька удивленно и немного обиженно смотрела на молодого человека.

— Сивый, — властно прозвучал в подвале голос, похоже, главаря. — Ты с Хрипатым из машины носа не кажи, пока шухер не начнется или пока я сам не махну тебе рукой, тогда подъезжай. Если мусора нагрянут, отвлечешь, как я говорил. Машину — в сторону

Покровского монастыря, сами рвете на хазу, и ни звука там. Мухомор, тебе на шухере стоять возле артельной мастерской. Не забудь бутылку веселую! Чуть что — артельщикам в окно. Польшнет так — всей Таганке светло будет. Не до нас мусорам станет!

— Покровский монастырь, — прошептал Митьков. — Таганка... Точно, есть там артельная мастерская! Столярничают мужики, мебель делают, утварь разную. Там опилок и стружки и правда столько, что вывозить не успевают. Если мастерскую подожгут, сгорит половина улицы. Значит, грабить будут универмаг на Таганке. Угол Таганской и Ванюшинского переулка. Голос главаря знакомый. Хотя все они, уголовники, похожи.

— Ты что? — Машенька попыталась вырваться из рук молодого человека, но Митьков взял ее за плечи и чуть встряхнул.

— Маша, слушай меня, — строго заговорил Митьков. — Слушай и сделай, как я прошу. Иначе люди погибнут! Понимаешь?

— Не понимаю! О чем ты?

— Голоса вон оттуда, ты же сама слышала. Бандиты там. Нападение готовят на универмаг. Они не церемонятся. Убьют сторожа, постового милиционера, любого свидетеля зарежут, лишь бы концы спрятать

и скрыться. Помоги мне, Машенька, прошу тебя!

— О господи! — испуганно прошептала девушка и побледнела. Это было заметно даже в темноте.

— Маша, беги, милая! — торопливо зашептал Митьков. — Два квартала отсюда — там отделение милиции. Скажи, что сама слышала: мол, бандиты в подвале совещаются, собираются ограбить универмаг на углу Таганки и Ванюшинского. Сюда, скажи, пусть не едут, сразу мчатся на перехват.

— А ты? — глаза девушки блеснули в темноте тревогой.

— Задержу, сделаю, что смогу. Да беги же ты!

Машенька кивнула, решительно вытерла слезы и исчезла за углом дома.

Через какое-то время послышался рокот полуторки. Поскрипывал расшатанный кузов.

«Все, сейчас они сядут в машину и уедут. Правильно я решил, что сюда милицию звать бесполезно, — с удовлетворением подумал Митьков. — Не успеть им. А как успеть мне? Пустая улица, темная подворотня. И нигде не спрятаться. Даже за машину тайком не подцепиться, потому что в кузове тоже будут

бандиты. Многовато их — судя по голосам, человек шесть или восемь».

Выход один — рискнуть. Есть шанс, что не захотят бандиты шум поднимать. Лишь бы поверили, что он свой!

Где-то рядом в подвале затопали по деревянной лестнице сапоги. Банда поднималась наверх, к машине.

Митьков достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение личности и сунул его за голенище сапога. Затем вытащил из-за ремня пистолет и взвел курок. Выйдя из подворотни на ночную улицу, осмотрелся. Ни прохожих, ни машин. И небо на горизонте светлеет.

Обойдя машину со стороны проезжей части, Митьков рывком открыл дверь водителя. Щуплый остроносый парень, в замызганной кепке, с трехдневной неопрятной щетиной, уже держал в руке монтировку — заметил чужака в зеркале. Но когда в лицо ему глянуло дуло «ТТ», замер и прошептал непослушными губами:

— Ты чего, землячок? Попутал меня с кем?

— Мои землячки далеко, — процедил сквозь зубы Митьков, копируя блатную манеру. — Рыпнешься — дырку в лобешнике

сделаю. Заводи свой примус. На базары времени нет.

И тут водитель, бросив быстрый взгляд за его спину, расплылся в ехидной ухмылочке. Митьков понял: случилось то, чего он опасался.

— А придется побазарить, фраерок, — заявил остроносый, поигрывая монтировкой.

— Слышь, малой, — раздался за спиной Митькова голос главаря, — «волыну» опусти и спускайся на землю грешную. Только медленно.

В бок Митькову уперлось что-то твердое: не то ствол пистолета, не то заточка. Пришлось спускаться с подножки задом, да еще держать поднятыми руки. Чьи-то пальцы бесцеремонно выхватили у Митькова пистолет. Он медленно повернулся, улыбаясь во весь рот и шевеля пальцами над головой, демонстрируя, что оружия у него больше нет и вообще настроен он миролюбиво.

— Это была шутка, — ехидно произнес Митьков. — Шучу я так, когда не спится. Особенно когда уголовка за пятки хватает.

— А я смотрю, ты фраерок веселый, — беззлобно усмехнулся главарь. — А чем же ты уголовке насолил? Пошутил неудачно? Ну-ка, обзовись!

— Я смотрю, тут все хозяйские, — Митьков медленно опустил руки и глянул на главаря. — А ты у них бугор. Короче, по малолетке меня на пересылке в Иркутске Занозой нарекли. Вторая ходка в Якутии была. Надоело мне в тайге среди снегов, вот решил пошустрить в Москве да свалить на Волгу. Там спокойнее, там у меня корешки остались. Я тут проездом, так что не судите строго: вляпался по самые уши. Двум операм дырки сделал, когда с «малины» срывался. Теперь мне уж не до рыжья и не до хабара. Поможете? Если что, я с вами могу.

— Красиво поешь, Заноза, — покачал головой главарь и кивнул своим. — Возьмите его с собой в кузов и глаз не спускайте. Посмотрим, что за человек, спросим людей знающих. А там решим, что с тобой делать. Или в дело сгодишься, или на перо — и в прорубь.

Это был тот самый исход, на который Митьков и рассчитывал. Хорошо зная уголовный мир, он и не рассчитывал, что ему поверят сразу. И убивать его умный главарь не станет, хоть и не поверит сразу ни одному слову. Если незнакомец не врет, если он и правда мусорской кровушкой попачкался, ему в ментовке не жить, а так — будет послушным исполнителем на самых низших

и опасных ролях в банде. Повязан этот Заноза, крепко повязан. Такого до поры беречь надо. Очень может пригодиться.

Митьков позволил бесцеремонно втащить себя в кузов полуторки и затих под рваным брезентом у самой кабины. Заработал мотор, машина тронулась.

Митьков прикидывал: разговор с бандитами занял у него минут пять. С того момента, как убежала Машенька, прошло минут десять. Как раз хватит добежать до ближайшего отделения милиции. До универсама по безлюдным улицам машина доедет минут за пятнадцать. Тем более что комендантский час уже закончился. Успеет опергруппа доехать за пятнадцать минут с Петровки до Таганки? Никак не успеет. Сообщат в районное отделение. Но пара милиционеров из районного отделения, которые прибегут на место, задачи не решат. Значит, надо действовать самому!

Бандит со шрамом на лице сидел напротив Митькова, поставив между ног трофейный немецкий автомат. Он вытащил из кармана «ТТ», который отобрал у Митькова, и стал его рассматривать.

— А «волына» у тебя ухоженная. Блестит, как у кота яйца. А может, ты из уголовки, это твой служебный, а?

— Хозяин был аккуратный, — цинично усмехнулся Митьков. — Когда помирал, просил беречь и ухаживать, как за своей любимой.

Произнеся это, он бросил взгляд на бандита и отвернулся. Митьков давно, года три назад, заметил у братвы такие вот характерные взгляды, которые порой говорят о человеке больше, чем слова, чем его одежда или манеры. Нет в тебе стержня стального, и как ты ни тужься, без труда разглядят в тебе бесхребетного, куклу тряпичную. А можно так глянуть, что у собеседника невольно холодок по спине побежит. Поймет он спинным мозгом, шестым чувством, интуицией своей извращенной поймет, что перед ним человек, для которого ничего святого не существует, что для своей выгоды предаст он кого угодно, продаст, финку в спину вгонит и не поморщится. Именно таким натренированным взглядом и одарил бандита Митьков, тут же отвернулся и стал разглядывать посветлевшую улицу в прореху брезента.

Стараясь не выдавать своего интереса к происходящему снаружи, Митьков прикидывал, где они сейчас едут и далеко ли до цели. Итак, в кабине двое. Тот самый водитель с монтировкой и главарь. В кузове еще

четверо. Причем трое с немецкими «Шмай-серами», и у каждого за ремнем еще и по пистолету. Глаза с прищуром, на пальцах наконки. Все тертые ребята, крови на каждом немерено. Это чувствуется. Да, огневая мощь у банды приличная, хорошо подготовились. Значит, церемониться не будут.

Митьков потянулся и демонстративно зевнул. Бандит со шрамом, не сводивший с него глаз, спросил:

— Не выспался, шкет?

— Я тебе не шкет, — огрызнулся Митьков. — Не выспался! Я две ночи на ногах, мне в уголовку никак нельзя. Хорошо, вас встретил. Только вот не получилось бы из огня да в полымя.

— А это уж как выйдет, — заржал бандит, широко раскрыв рот и блеснув золотым зубом.

«Пора», — решил Митьков.

Поймав момент, когда сидевший перед ним бандит меньше всего ожидал нападения, он ударил его костяшками пальцев точно в кадык. Что-то хрустнуло, бандит захлебнулся кашлем, схватился за горло. Пистолет выпал из его рук и отлетел в сторону.

Митьков чертыхнулся от такой неудачи, заметив, как ближайший к нему бандит дер-

нул затвор автомата. В этот прыжок Митьков вложил все свои силы: оттолкнувшись ногами от шатких досок кузова, он успел перехватить руку бандита, ударить его локтем в лицо и стиснуть рукой его пальцы на автомате. Короткий рывок стволом, и автоматная очередь прорезала тишину раннего московского утра. Сильный удар локтем в лицо бандиту, который пытался вырвать автомат из рук Митькова, и грянула вторая очередь. Две пули в грудь, одна в голову свалили еще одного противника.

Теперь Митьков боролся один на один. Нужно было заканчивать, сейчас остановится машина, и он окажется в кузове как на ладони. Главарь, не размышляя, прошьет брезент автоматными очередями и скроется во дворах.

Зарычав от напряжения, Митьков освободил правую руку и ударил бандита пальцами в глаза. От боли и неожиданности тот ослабил хватку. Выбив из его рук автомат, Митьков перехватил противника за голову и коротким рывком с поворотом сломал ему шею.

В этот момент машина резко остановилась. Подхватив с пола свой пистолет, Митьков одним движением перепрыгнул через задний борт и мягко, почти беззвучно приземлился на землю. В следующий миг скользнул тенью под днище автомобиля.

Беглого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что их полуторка остановилась в квартале от универмага. А еще в соседнем дворе Митьков успел разглядеть бородатое лицо дворника. Хорошо, дворник наверняка позвонит в милицию. Только бы продержаться, пока не приедет помощь! Черт, трупов многовато, нужно же кого-то и живым взять. Судить таких надо!

Митьков не стал ждать, как поступит главарь. Наверное, отойдет подальше и заставит водителя заглянуть под брезент. Но тогда, отойдя от полуторки на несколько шагов, он увидит человека под колесами. Вариантов практически не было. Выругавшись нехорошими словами, Митьков выкатился из-под машины, ударив главаря по ногам. Водитель с пистолетом в руке отпрянул в сторону, но Митьков успел дважды выстрелить в него, потом схватил упавшего главаря за руку, в которой тот стискивал наган.

— Сука, — прохрипел бандит, борясь с молодым сильным противником, — надо было тебя сразу на перо посадить!

— Поздно теперь об этом говорить, — прорычал Митьков и с силой ударил лбом в лицо бандита.

Рука, державшая револьвер, ослабла. Еще после двух ударов кулак разжался, и наган глухо стукнулся о мостовую. Митьков с усилием вывернул главарю руку, перевернул его на живот и навалился сверху всем телом. И только теперь расслышал треск мотоциклетных двигателей.

— А ну, не двигаться никому! — раздался совсем рядом молодой голос. — Милиция! Буду стрелять!

Подъехали, кажется, три мотоцикла, затопали сапоги. Продолжая сжимать бандита, Митьков поднял голову и увидел перед собой вооруженных автоматами и винтовками милиционеров. «Ну, теперь полный порядок, — подумал Митьков и мысленно усмехнулся. — А парень-то переволновался. Ну как можно отдавать такие приказы — не шевелиться?»

— Вставать-то можно? — громко спросил он милиционера и, не дожидаясь ответа, начал подниматься.

Два подбежавших сотрудника милиции быстро обыскали Митькова, затем подняли на ноги главаря. Еще один заглянул в кузов и присвистнул от удивления:

— Товарищ участковый, тут три трупа! Друг друга постреляли. Видать, что-то не поделили.

— Разберемся! — пообещал молодой милиционер. — Сейчас бригада из МУРа приедет, всех на чистую воду выведем. Рожи бандинские! Оружия-то сколько! И все фашистское!

— Лейтенант, — негромко сказал Митьков, — у меня удостоверение личности в сапоге. Разреши предъявить? Я старший лейтенант Митьков из Главного управления контрразведки Смерш.

— Смерш? — Лейтенант сдвинул на затылок фуражку и вытер потный лоб тыльной стороной ладони. — Ну, предъяви... предъявите...

— Так точно, Смерш, — ответил Митьков, вытягивая из-за голенища красную книжечку и разворачивая ее перед участковым. — Эта банда намеревалась ограбить универмаг на Таганке. Я случайно подслушал их разговор, пришлось вмешаться. Не было возможности позвонить. Такая ситуация — торопиться надо было. Этот у них — главарь.

Генерал Максимов, сидя за столом над картой своего участка обороны, подкрутил фитилек в керосиновой лампе, затем опустил голову на сложенные руки. Нет, надо хоть не-

много подремать, хотя бы минут пятнадцать. Совсем глаза закрываются.

Игорь Викентьевич знал за собой такую особенность: иногда, в минуты крайней усталости, ему хватало совсем небольшого отрезка времени, чтобы восстановить ясность мышления, прогнать сонливость.

Закрыв глаза, генерал стал думать о жене, о довоенной квартире в Москве, в которой за последние годы так редко приходилось ему бывать. Всю жизнь Игорю Викентьевичу не хватало настоящего домашнего уюта, какой могла устроить его мама. И жена, военврач, которая делила с мужем все тяготы военной жизни, тоже скучала по домашнему уюту. Но оба супруга ни за что бы не променяли раз и навсегда выбранную службу Родине на салфеточки и фарфоровых слоников на комод.

Слоники и фикус у окна... Уже задремав, Максимов улыбнулся, вспоминая о матери. Она всю жизнь ждала мужа, тоже посвятившего жизнь военной службе, много лет провела она в этой квартире в надежде, что хоть раз в полгода он вырвется домой, в Москву. Вот так же и сын: живет теперь походной жизнью, такой же неутомимый и энергичный. Непоседа-егоза — как называла Игоря их

домработница Фрося. Да, не мог Максимов сидеть без дела, не умел он отдыхать. Терпеть не мог такого досуга, как рыбная ловля или загорание на пляже санатория РККА.

Вот и сейчас, после того как части корпуса, которым командовал Максимов, заняли позиции, командир не сидел без дела. Когда наступала ночь, когда он возвращался к себе после объезда частей, после решения огромного количества вопросов, лежащих на плечах командира корпуса, Максимов садился за карты, изучал район боевых действий, знакомился со свежими разведанными. Он пытался предвидеть развитие событий, исходя из данных о противнике и планов своего командования. Что могут предпринять немцы, как используют имеющиеся силы Ставка и командование армией, какой приказ от командования может поступить.

Дверь тихо открылась, на пороге появился адъютант. Подошел к Максиму, тронул его за плечо.

— Товарищ генерал, Мария Николаевна приехала.

— Что? — Максимов поднял голову и потер ладонями лицо.

— Ваша жена приехала.

— Да, хорошо! Спасибо, Андрей!

Генерал потушил лампу на рабочем столе и направился в свою комнату. Маша, повесив на вешалку портупею с кобурой, засучив рукава гимнастерки, протирала стол. Увидев мужа, улыбнулась, обхватила его руками за шею, прижавшись щекой к его щеке. Максимов ощутил неистребимый запах медикаментов, который все эти годы исходил от волос и одежды Маши.

— Опять у вас беспорядок в комнате, товарищ генерал, — тихо шепнула жена.

— Виноват, товарищ майор медицинской службы, — Максимов посмотрел в ее уставшие глаза. — Ты же знаешь, Машенька, что я не люблю, когда кто-то вторгается в мое личное пространство. Помыть полы — это одно, но трогать что-то на моем столе или заправлять мою кровать непозволительно никому.

— У тебя глаза красные, — сказала Маша и провела пальцем по щеке мужа. — Много работы в связи с передислокацией корпуса?

— Конечно. Да ты садись, устала же с дороги. Сейчас Поляков принесет горячий чайник, мы с тобой посидим. Хоть насмотрюсь на тебя. Ты тоже уставшая. Как там у вас, в госпитале?

Вежливо постучав, старший лейтенант Поляков вошел с горячим чайником. Мария

ПОСЫЛКА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

улыбнулась, поблагодарила адъютанта. Она смотрела, как муж разливает чай по стаканам, радуясь, что Максимов сохранил их любимые подстаканники. И снова все как прежде, как до войны, когда они сидели дома, в Москве, под зеленым абажуром на кухне. Так же тихо разговаривали, делились новостями, вспоминали прошлое. И тогда на душе становилось очень спокойно, и казалось... нет, не казалось, а действительно появлялась удивительная уверенность, что с ними ничего не случится, что они выживут на этой войне и доживут до победы. Какой она будет? Когда? Не важно, главное, что она придет и что они будут вместе. Войны проходят, но жизнь не останавливается. Она, как росток, пробьется через обожженную почву или старый асфальт, изрытый танковыми гусеницами.

ГЛАВА 2

Дождь все никак не начинался. В сквере на Москворецкой набережной повисла вечерняя влажная тишина. Низкое пасмурное небо простерлось над Кремлем, готовое вот-вот разрядиться сильным майским ливнем. В воздухе витал аромат роз, от которого хотелось замереть на месте и закрыть глаза. Майор Буров оперся о парапет набережной и потер ноющее плечо. Рука зажила, но недавняя рана каждый раз перед дождем напоминала о себе.

Судьба берегла Ивана Букова, хотя бросала его из огня в огонь. В 16 лет он ушел на Гражданскую войну. И здесь открылись его таланты. Сначала — самый молодой взводный в дивизии, потом — ротный, он приглянулся командованию умением мыслить нестандартно, желанием учиться. Потом командирские курсы, академия и Дальний Восток, где пришлось не только впервые столкнуться с вражеской армией, но и противостоять вра-

жеской разведке, учиться агентурной работе, налаживать собственную контрразведку.

Потом Испания, финская война и... арест. Месяцы следствия, обвинение. Потом освобождение, возвращение наград и звания. Однако в душе остался осадок, что происходит что-то неправильное. Нельзя вот так запросто бросать в камеру заслуженного человека, облеченного доверием, службой доказавшего свою преданность Родине и партии. Да, извинились, объяснили, что такое время, что кругом враги. Но все же...

Май 1943 года Иван Буров встретил пока что майором, правда, в штате нового Главного управления контрразведки Смерш Наркомата обороны.

Потирая ноющую выше локтя руку, Буров смотрел на спокойную, будто уснувшую воду Москвы-реки. Она пока еще спокойная, но вот разразится гроза, обрушится ливень, ветер станет ломать ветки деревьев, сдирая с них молодую листву! Затишье перед бурей.

— Иван Николаевич? Ты? — раздался рядом сиплый мужской голос.

Буров обернулся и увидел невысокого коренастого мужчину в кепке. Пустой правый рукав пиджака засунут в боковой карман. Майор узнал его — Игорь Левадин. Два года

в Испании почти бок о бок. Несколько совместных операций, диверсии в тылу франкистов, помощь республиканцам в борьбе против немецкой разведки, активно действовавшей в обожженной войной стране. Буров хотел схватить старого товарища за плечи и прижать к себе, но не решился. Не захотел ощутить пустой рукав, распознать калеку в человеке, которого до этого знал полным сил.

Левадин улыбнулся, протянул для рукопожатия левую руку и посмотрел в глаза Бурову.

— Что руку трешь? — спросил он. — Раны болят перед непогодой? Это, брат, ничего, поболят и перестанут. Хорошо, есть чему болеть. А я вот, как видишь, вышел в тираж.

Пошарив рукой в кармане, Левадин достал пачку «Казбека», ловко извлек папиросу и бросил ее в угол рта. Буров поспешно достал спички и дал прикурить товарищу.

— Где тебя так угораздило? — спросил он, кивнув на пустой рукав.

— Прошлой зимой, — поморщился Левадин, — в Заполярье. Работали против финской и норвежской агентур. Ранили, больше суток полз к своим. Так что к ране еще

и обморожение добавил. Хорошо хоть выкарабкался, а мог бы и сгинуть. Теперь только лекции читать в домоуправлении о пользе чеснока и квашеной капусты в рационе пожилых людей.

— Что, совсем от дел отошел? — удивился Буров. — Ты же классный специалист! Как это тебя могли так сразу списать? Может, словечко замолвить за тебя?

— Не надо, Ваня, лучше не надо, — покачал головой Левадин, глядя мимо собеседника на темную воду Москвы-реки. — Говорят, ты под арестом побывал. Оправдали, выпустили? Только я тебе так скажу, старый мой друг, — такое не забывается. От сумы да от тюрьмы у нас не зарекаются. Найдется «добрый» человек, напомнит. А органы у нас, как известно, просто так никого не сажают. Да и я чудом на свободе остался, помогло, что ранен был и что успешно мы работали на севере. Я ведь, Ваня, одному хлысту, сынку генеральскому, по морде съездил. Если бы не мое ранение, лес бы сейчас валил на Колыме или черви меня бы ели в земле. Так-то. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо. Ты не думай, что я пропаду или сопьюсь. Ничего, мы еще повоюем. И без руки повоюем! Есть у меня одна идея. Говорить не буду,

чтобы не сглазить. Через два дня обещали меня принять, заслушать. Так что давай...

Левадин снова крепко пожал Бурову руку и, отшвырнув в сторону окурков, бодро зашагал по набережной. Иван долго смотрел вслед старому товарищу и увидел, как тот, отойдя на значительное расстояние, сбавил шаг с уверенного и бодрого на унылый и неторопливый. «А ведь соврал он мне, — догадался майор. — Нет у него никакой идеи, никто его не примет и не заслушает».

— Гражданин, предъявите документы! — раздался за спиной властный голос.

Буров обернулся. Лейтенант и два сержанта с винтовками — милицейский патруль. С самого начала войны их стало много вокруг Кремля и в тех районах, где располагались советские наркоматы. Лейтенант ждал, настороженно глядя в мужественное лицо незнакомца. Призывной возраст, а не на фронте. «Бронь» оборонного завода? Ответственный работник наркомата? Почему гуляет, когда вся страна трудится не покладая рук? Подозрительно.

Майор вытащил из нагрудного кармана красную книжечку и показал патрульным. При виде крупной надписи на обложке лейтенант сразу же подобрался.

НКО

*Главное управление
контрразведки
«Смерш»*

Буров ожидал, что милиционер козырнет и отправится дальше патрулировать район, но, к его приятному удивлению, лейтенант не удовлетворился только корочкой удостоверения. Пришлось открыть красную книжечку и дать возможность начальнику патруля сверить запись и фото обладателя удостоверения с его личностью.

— Прошу прощения, товарищ майор, — козырнул лейтенант. — Служба!

— Все правильно, — одобчительно кивнул Буров, пряча удостоверение в карман.

Он шел по набережной быстрым шагом и думал о своих ребятах. Как неудачно в такое тяжелое время начальство разобщило их слаженную группу. Сам Буров был ранен и почти месяц лечился. Кирилла Митькова оставили в распоряжение управления, а Гробового и Косовича отправили куда-то на Северный Кавказ на усиление.

Старший лейтенант Поляков стал адъютантом генерала Максимова всего три месяца

назад. Поначалу он воспринял это назначение чуть ли не как позор. Встретив войну рядовым в Западном Особом военном округе, Андрей со своим подразделением несколько раз выходил из окружения, отражал танковые атаки и шел на восток, отмеряя натруженными ногами километры своей родной земли, которую оставлял врагу. Несколько раз он вместо погибшего командира взвода, а потом и роты поднимал бойцов в контратаки. После легкого ранения его отправили в военное училище.

А потом снова бои, Ржев. Взводный командир Андрей Поляков был трижды в течение месяца ранен, но ни разу не покинул позиции, оставаясь в окопах вместе со своим взводом. Потом его все же свалила лихорадка, появилась угроза заражения крови, и тогда молодого лейтенанта эвакуировали в госпиталь. Назначая его адъютантом, командование оговорило, что это временно. Однако и эта его должность не курорт, а напряженная и очень важная служба. Как сказал тогда кадровик, старый подполковник: «Адъютант генерала — это его первый помощник по всем вопросам. Это человек, который все знает, все помнит и все может. Иногда — даже заменить генерала в бою. Много таких случаев было и в эту войну, и в прошлую, и в

Отечественную 1812 года. Адьютантами всегда назначали самых опытных, самых умных и умелых офицеров. Так-то, сынок!»

Шаги в коридоре заставили Полякова нахмуриться. Эх, война, ну хоть еще пять минут Игорю Викентьевичу дали бы побыть с женой. Неужели нарочный с приказом из штаба армии?

Дверь распахнулась, и на пороге появился оперуполномоченный Смерша капитан Серов.

— Генерал у себя? — небрежно спросил он. — Доложи!

— Это срочно? — осторожно уточнил адъютант. — Просто к Игорю Викентьевичу жена приехала.

— Да ты что? — капитан сделал изумленное лицо. — Вот люди, и дня не могут на войне без баб обойтись.

— Мария Николаевна — майор медицинской службы, — побледнев и еле сдерживая нахлынувшую злость, проговорил Поляков. — Она не баба.

— Малыш, как будто майоры бабами не бывают, — усмехнулся Серов.

— Товарищ капитан! — не выдержал наконец Поляков. — Я попрошу вас воздержаться от такого рода замечаний. Я боевой

офицер, а не «малыш»! Я с 41-го года на передовой!

— Ладно, ладно! — усмехнулся Серов. — Я же понимаю, кому-то и здесь надо... служить. Доложите генералу, мне срочно нужно подписать у него бумаги на арестованных и переданных под следствие военнослужащих. Утром за ними придет машина.

— Товарищ капитан, генерал просил его не беспокоить до 23 часов. Если можно, если это не большая срочность, то я просил бы вас отнестись с пониманием к семейному человеку и зайти попозже. Как только уедет Мария Николаевна, я сразу же доложу генералу о вашей просьбе.

Седов смерил адъютанта недовольным взглядом, побарабанил пальцами по черной папке, задумчиво свел брови. Потом молча кивнул и вышел. Поляков потер руками виски и с шумом выдохнул. Есть, конечно, на свете неприятные люди, но чтобы вот так, каждый день сталкиваться с подобными типами — это уже выше его сил. Лучше с немецкими танками. Надо все же снова попробовать подать рапорт. Вот закончу курс уколлов и подам. Воспаление, кажется, прошло. Осталась всего неделя. В линейные части, на передовую!

Времени было без пяти минут одиннадцать, когда водитель доложил Полякову, что машина для Марии Николаевны стоит у здания штаба. Тут же из комнаты связи высунулась голова одной из дежурных связисток:

— Товарищ старший лейтенант, генерала Максимова из штаба армии. Срочно!

Когда Максимов, как всегда строгий и подтянутый, бодро спускался по ступеням штаба к машине, к нему торопливо подошел капитан Серов. Генерал глянул на оперативника с неудовольствием, но все же остановился.

Сотрудники войсковой контрразведки Смерш, как и раньше особисты, напрямую командирам частей и соединений не подчинялись. Тем не менее работать приходилось сообща и выстраивать отношения тоже. Нередки были случаи, когда по просьбе командира в его части меняли особиста, который начинал вести себя без должного уважения к человеку старше его по званию, терял гибкость и чувство такта. Однако еще чаще неприятности из-за несложившихся отношений были у самих командиров.

С капитаном Серовым Максимов сталкивался не так часто. Тем не менее успевал ловить в интонациях оперуполномоченного признаки высокомерия, пренебрежения

к окружающим. Нет, капитан не пытался давить, не скатывался к откровенному хамству или угрозам. Но Максимов чувствовал в нем человека неприятного и не очень умного. Однако приходилось терпеть. Генерал пока не считал нужным выходить на руководство Смерша армии с просьбой убрать от него Серова, сменить его другим офицером. Трудно будет сформулировать причины. Одними чувствами и предположениями в боевой обстановке не отделаешься. Нужны факты и серьезные аргументы.

— Слушаю вас, товарищ капитан! — сухо сказал Максимов.

— Я просил вашего адъютанта сообщить вам, что мне срочно нужно подписать у вас документы, товарищ генерал. Завтра утром прибудет машина за подследственными — трусами и изменниками.

— Вину каждого установит военный трибунал. Я полагаю, что раньше времени не стоит навешивать на людей ярлыки. Давайте считать всех, о ком вы говорите, подследственными. Ничего с ними не случится. Отправьте в другой раз. Меня срочно вызвали в штаб армии.

— Поручите подписать документы вашему заместителю.

— Корпусом командую я! — повысил голос Максимов. — Я лично подпишу документы на каждого бойца и командира. И лично буду держать на контроле ход следствия.

— Это не в ваших полномочиях, — в интонации капитана мелькнуло ехидство.

— Все, что касается моего корпуса вообще и личного состава в частности — в моих полномочиях! — отрезал генерал. — Вы свободны, товарищ капитан!

Под натянутой маскировочной сеткой раскинулся целый палаточный городок. Дымили полевые кухни, прибывали и снова уезжали легковые автомобили начальства, грузовики с имуществом и бойцами. Здесь, на разбомбленном немецком аэродроме подскока были сосредоточены материальная база и командование финальной стадией операции «Конверт».

Радиоигра с Абвером, который пытался разбросать свои сети на Северном Кавказе, тянулась полтора года. И сейчас близилась к завершению. Силы Красной армии были нацелены на прорыв Голубого вала и начало освобождения Крыма. Финальной стадией операции был захват резидента Абвера и наиболее значимых фашистских пособников.

Офицеры Смерша прибывали сюда последние два дня. Крепкие, сильные, опытные, они первым делом чистили личное оружие и только потом падали на приготовленные для них солдатские кровати и засыпали мертвым сном. Почти все были подняты по тревоге, многие не спали перед этим сутками. Командование давало им время на отдых и акклиматизацию, потом — распределение по группам, инструктаж и выход в определенную для каждой группы зону.

На капитанов Гробового и Косовича, прибывших из Главного управления контрразведки Смерш, посматривали с уважением и интересом. Многие были с ними знакомы по прошлым делам на разных участках фронта.

Сбор группы майора Игнатьева был назначен через два часа. Угрюмый и недовольный Гробовой молча осматривал и чистил чужой, выданный ему здесь автомат «ППС». Свое табельное оружие он взять из Москвы не успел, чем был крайне недоволен.

Косович, сбросив сапоги, лежал на кровати в трусах и майке, смотрел на друга и напарника и философствовал. Два старших лейтенанта с Белорусского фронта чистили рядом оружие и посмеивались.

— Ты, Федор, не понимаешь главного в жизни! — рассуждал Косович, гоня во рту спичку из угла в угол. — Ведь что есть личное? Причем это касается и личного оружия тоже! Личное порождает собственнические настроения, жадность, а порой и зависть окружающих. Если у тебя есть личное, обязательно найдется кто-то, кто осудит тебя за то, что это твое личное лучше, чем его собственное личное. И пошло недовольство, пошли вражда и мордобой. А с твоими кулаками, Федя, это уже не просто драка, это уже природный катаклизм и угроза человечеству.

— Федя женщин не бьет, так что выживем, — засмеялся один из оперативников.

— Это да, — тут же согласился Косович. — К женщинам у Федора отношение неоднозначное. Я бы сказал даже, Федор женщин не замечает и где-то внутренне презирает. Не бьет, говорите, а вот вопрос — почему? Что является его внутренним стопором в этом важнейшем философском моменте?

— Балабол, — угрюмо пробасил Гробо-вой. — И бабник.

— Э-э, с этим заключением я не согласен, — живо возразил Косович. — Бабник — это слишком общее определение. Я бы назвал себя ценителем женской сути в нашем суро-

вом мире. Ведь что есть женское начало и какое оно занимает место?..

— Это ты про медсестру Валечку из госпиталя? — спросил другой оперативник. — Видел, как ты ее глазами поедал и военного инженера локтем отпихивал. Срослось, что ли, у вас? Ты же вроде с утра куда-то бегал? Не к ней, часом?

— Неуместный вопрос, товарищи! Не могу ответить, чтобы не компрометировать даму.

— Ясно, — захохотал оперативник.

Гробовой повернул голову и грозно посмотрел на шутника — тот сразу поперхнулся и снова занялся автоматом. Федор знал, куда бегал его друг и напарник. И что означала фраза, что Косович какого-то военного инженера локтем отпихивал. Этот самый военный инженер, считавший себя несравненным красавцем и непревзойденным любовником, ущипнул медсестру за неприличное место и оскорбил неприличным предложением. Это при всех Косович его локтем оттирал и внимание на себя отвлекал. И видел, как девушка чуть не плачет от стыда и страха. А потом Косович быстро сбегал в распоряжение инженерной службы, вызвал хама и, прижав его к стене, схватил стальными пальцами за горло, заявив, что прибьет его при первом же удобном случае, если только услышит, что

тот домогается Валечки или другой девушки из расположения части. Когда его собеседник возмутился и стал угрожать, Косович просто сунул ему под нос удостоверение офицера Смерша, и тот замолчал, побледнев.

— Группа майора Игнатьева, на выход! — крикнул пробежавший мимо лейтенант с перевязанной рукой.

Смех в палатке сразу прекратился. Офицеры стали быстро одеваться. Через три минуты они выбежали наружу и встали в шеренгу из десятка бойцов возле запыленной полуторки. Невысокий майор в очках, с очень невоенной походкой, вышел перед строем:

— Товарищи офицеры, мы выдвигаемся к станции Плешаковской. Машина высаживает нас на опушке с восточной стороны леса и возвращается в расположение. От леса тремя группами мы расходимся по позициям. Задача нашей группы простая, но и самая опасная. Мы с вами будем находиться на пути отхода диверсантов в случае их боестолкновения с нашими боевыми группами. Немцы и их пособники будут отчаянно сопротивляться. Терять им нечего. Наша задача — взять как можно больше пленных. Вопросы?

— Разрешите, — поднял руку высокий офицер на правом фланге. — Старший лей-

тенант Погорельцев. Места наших «лежек» определены или мы их выбираем сами?

— После высадки я раздам вам карты, мы наметим примерное место засады каждой группы. Еще вопросы?

— У меня вопрос. Капитан Косович. Как мы определим, что перед нами враг, а не наше подразделение и не случайные военнослужащие Красной армии?

— Не знаю, — ответил Игнатъев. — Это не армейская операция, поэтому привлечены только оперативники Смерша. Только ваш опыт и смекалка, только ваша наблюдательность сможет подсказать, кто перед вами. Решать будете на месте в каждом конкретном случае. Еще вопросы?

— Нет вопросов, — ответил Косович. — Понятно — «частое сито»!

Генерал Максимов ехал в штаб 65-й армии, размышляя, что стоит за этим неожиданным вызовом. Корпус только недавно занял позиции на Севском направлении, принял пополнение, материальную часть. То, что назревали серьезные события, Максимов и сам понимал. Видимо, в штабе армии собирают какое-то совещание, чтобы ввести в курс дела высший командный состав, по-